

чловѣци расплодишася и умножишася по земли.

и не познаша сътворшаго я и исполнишася блуда и всякоя нечистоты¹ и убиства и зависти и живяху скотьскы чловѣци.

И бѣ Нои единъ праведенъ в родѣ семь, и роди 3 сыны: Сима, Хама, Афета. И рече богъ: не имать духъ мой пребывати въ чловѣцѣхъ

дщери і Азару і Асуаму; и поятъ прьвую Каинъ, а другую Сивъ, и отъ того чловѣци расплодишася і оумножишася по земли.

и не познаше сътворшаго ихъ, но исполнишася блуда и всякого скаредиа і оубиства и зависти и живяху чловѣци скотскы.

Нои же бѣ лѣтъ 500 и роди сыны три, Сима, Хама и Афета; единъ праведенъ бѣ в родѣ своемъ. И рече господь богъ: не имать пребыти духъ мой въ чловѣцѣхъ сихъ в вѣкы.

Итак, перехожу к вопросу, каким общим источником пользовались, с одной стороны, летописец — составитель «Речи философа», а с другой — составители Краткой Палеи и краткой хронографической компиляции Новгородской Софийской библиотеки.

Предыдущее исследование показало, что «Речь философа» представляет общие с только что названными памятниками места только в первой части своей, содержащей рассказ о ветхозаветных событиях. Это дает нам основание разделить «Речь философа» на следующие части: первую — с только что указанным содержанием; вторую, заключающую в себе ветхозаветные пророчества; третью, излагающую новозаветные события и, наконец, четвертую — богословского содержания. Мы стоим перед вопросом об источнике первой части «Речи философа».

Краткая Палея, как указано В. М. Истриным,² в числе источников имела какой-то хронограф. Этот хронограф отличался от тех хронографов, которые представлены различными известными нам видами Еллинского летописца; он отличался от них, повидимому, отчасти большею краткостью, а отчасти еще использованием иными источниками, не использованными составителями Еллинских летописцев; кроме того, в нем не было заимствований из Амартола: главным основанием являлся текст Амартола, но последний был соединен с другой хроникой, тождественною или сходною с тою, которую В. М. Истрин обнаружил в Парижской греческой хронике, содержащей части хроники Синкела (назв. соч., стр. 85, 91, 144, 166—167, 173). Этот хронограф, который я вслед за В. М. Истриным назову Хронографом по великому изложению (назв. соч., стр. 110 и сл., 173), как можно думать на основании нижеследующего соображения, составил на славянской почве. Дело в следующем: значительную часть своего содержания он почерпнул из хроники Амартола и его продолжателя; эта хроника использована

¹ и скаредья всякого (Новг. 1-я).

² [Исследования в области древнерусской литературы. IV, СПб. 1906, стр. 70—198.] [Результаты работы по архиву. СПб., 1907]